

3. Галушина, Н. С. Этнос – нация – цивилизация: иерархия культурных общностей и возможность диалога / Н. С. Галушина. – Режим доступа: <http://base.spbirc.org/main/person/1561>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Кармин, А. С. На путях к теории культур / А. С. Кармин // *Фундаментальные проблемы современной культурологии* / отв. ред. Д. Д. Спивак. – Санкт-Петербург, 2008. – Т. 1 Теория культуры. – 380 с.
5. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – Москва, 2000. – 324 с.

References

1. Baeva, L. V. *Civilizacija i ee duhovne osnovanija* [Civilization and its spiritual foundations]. Volgograd, 1998, 18 p.
2. Bol'shakov, V. P. *Cennosti kulture i vremena (nekotorye problemy sovremennoj teorii kulture)* [Bolshakov V.P. The values of culture and time (some problems of modern theory of culture)]. Available at: http://window.edu.ru/resource/056/22056/files/novikul_7.pdf.
3. Galushina, N. S. *Jetnos – nacija – civilizacija: ierarhija kul'turnyh obshhnostej i vozmozhnost' dialoga* [Ethnicity – nation – civilization: the hierarchy of cultural communities and the possibility of dialogue]. Available at: <http://base.spbirc.org/main/person/1561>.
4. Karmin, A. S. *Na putjah k teorii kulture* [Karmin A.S. Towards a theory of cultures]. St. Petersburg, 2008, 380 p.
5. Lihachev, D. S. *Russkaja kultura* [Russian culture]. Moscow, 2000, 324 p.

К ТИПОЛОГИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Рыскельдиева Лора Турарбековна, доктор философских наук, профессор
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

Какова практическая значимость философии и как обнаружить действенную сторону в мировоззрении? Она кроется в воздействии, которое философский текст оказывает на читателя. Основа практической философии – деонтология, способ рефлексии должного, составляющий своеобразную симметрию методологическим установкам в теоретической философии. Выявление деонтологического компонента текста дает возможность реконструкции практического аналога мировоззрения – мироотношения. Отношение к миру автора философского текста и является основанием для типологии в области практической философии. Есть два основных результата рефлексии сферы должного - долженствование бытия и долженствование действия, на них строятся два разных типа практической философии – эстетистский и этический. Устойчивое использование тех или иных языковых выражений долженствования автором философского текста в качестве текстового поведения может служить языковым маркером его мироотношения.

Ключевые слова: мироотношение, деонтология, смысл, практическая философия, эстетизм, А.М. Пятигорский, П. П. Гайденко

ON A TYPOLOGY OF PRACTICAL PHILOSOPHY

Ryskeldiyeva Lora T., D. Sc. (Philosophy), Professor
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

Does worldview have a practical aspect? Yes, it has and we can find it in the impact that the philosophical text has on the reader. The meaning of a philosophical text (smysl) is connected, first of all, with the peculiarities of philosophical discourse. The complete philosophical discourse consists of theoretical, practical and metaphysical parts. Deontology as the basis of ethical and practical philosophy forms the ways of reflection of due and duty, making up a kind of symmetry to the methodology in theoretical philosophy. Analysis and hermeneutics of philosophical text make it possible to reconstruct the ethical analogue of the world view - world attitude (WA). The WA of the author of a philosophical text sets its pragmatics, defines a performative potential and can work as the basis for a typology of practical philosophies. The adherence to definite linguistic expression of due and duty by the author of a philosophical text – his textual conduct – can be a language marker of his WA. Practical and performative potential of the philosophical text is based on it.

Keywords: metaphilosophy, worldview, world attitude, deontology, meaning, practical philosophy, aestheticism, textual activity

Введение. Как действует философия в условиях текстового бытия продуктов философской рефлексии? Как воздействует философский текст на читателя? Как сказываются сетевые формы существования текстовой культуры на философском дискурсе? Отвечая на эти вопросы, мы сначала осуществим различия

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта А20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения». (This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project А20-011-00622 "Philosophy as Action: Pragmatics of Textual Behavior".)

мировоззрения и мироотношения, эстетизма и этической позиции, а затем введем понятие текстового поведения, с помощью которого охарактеризуем практический аспект философского текста.

Наряду с внешней отформатированной стороной философского текста надо признать наличие и *внутренней* – его специфического смысла [1], не сводимого ни к какой совокупности значений – философский текст нельзя редуцировать к другому типу текстов без ущерба для его смысла. Как и на что он воздействует?

Определим топологию действия смысла с помощью привычного понятия «мировоззрение». Это понятие, усвоенное обыденным языком, в наши дни стало настолько расплывчатым и перегруженным коннотациями различного свойства, что зачастую вовсе не пригодно для анализа и может служить хорошей службой разве что в идеологических, воспитательных и пропагандистских целях. Однако следует признать, что мировоззрение имеет и практические импликации, если практическое мы отличаем от прагматического. Собственно *практическое* (та тракта) в лексиконе современного человека часто смешивается с техническим, а *прагматическое* (трᾶμμα – действие) воспринимается как высшее проявление практического. Прагматик, таким образом, для нас – практический, деловой человек. Однако в философском дискурсе такое смешение недопустимо, о нем предупреждал еще И. Кант. Отказываясь от некритического употребления понятий «мировоззрение» и «практический» будем различать *миросозерцание* как результат реализации «феоретической» установки по отношению к миру и *мироотношение* как результат реализации установки практически-этической.

О деонтологии. Мироотношение как практический аспект мировоззрения имеет текстовое выражение и его обнаружение возможно при учете фундаментального для европейской логики смыслополагания различения сущего и должного. Мышление должного отличается от мышления сущего не предметом, а модальностью, смена модальности – не логический прием и не предмет выбора мыслителя. Способность или воля мыслить должное – это конец теоретической и начало практической философии. Она начинается тогда, когда предметы или вещи субъекту уже не даются, когда мышление продолжается там, где для него нет оснований – в области *должного*, которое выражается в нормативах. Отказаться от мышления в этой практической сфере трудно, так как область должного имеет своеобразную силу притяжения, И. Кант её назвал «моральным интересом».

Та или иная степень нормативности в тексте практической философии появляется естественно, но не должна быть незаметной для автора, как только тот задается вопросом «ну и какой в этом смысл»? Именно смысл способен не только держать совокупность высказываний в целом, в системе, но и переводить эту систему с одного языка на другой. Когда мы пытаемся выразить *то же, но иначе*, мы переводим с языка одной культуры, на язык другой, когда же мы пытаемся о *том же самом* мире сказать, «какой в нем смысл», мы переводим с языка теоретической философии на язык практической.

Корректное употребление выражений долженствования – дело особых усилий, но деонтологической составляющей в философском тексте *не может не быть*, и это обстоятельство обусловлено не только дискурсивной полнотой, но и структурой языка. Говоря об индоевропейской языковой семье, следует вспомнить, что нормативность в выражениях долженствования в них изначально была связана с опативом (дезидеративом), к нашему времени в значительной степени утраченным. Как утверждают лингвисты, исследователи выражений долженствования, древнейшие законодательные тексты (хеттские, индоиранские, римские, древнегреческие и проч.) использовали разные сочетания опатива и императива для выражения того, что сейчас называют «дебитивной импликацией». Поэтому «все эти различные времена и наклонения призваны передавать общее значение – неререферентного времени, обозначающего не реальное положение вещей, а лишь возможность некоторого события осуществиться в настоящем или неопределенном будущем» [2, с. 268]. В истории европейских языков постепенно отмирали опативы, очевидно, более земные и реалистичные, их место постепенно занимали императивы, а желаемое (или соответствующее воле богов) заменялось должным. Желательность того, чтобы было X, наказание тому, кто чинит X препятствия, религиозно-обрядовый (жреческий) источник предписаний – все это делает область долженствования в её истоках действительно дальней и «долгой», относит в «неререферентное время».

Существуют классические образцы практически-философской рефлексии должного. Введенное Аристотелем «должное» (*τὸ δέον*) и кантовский «долг» (*Pflicht*) дали, соответственно, две ее разные модели, а их различия определили многовекторный исследовательский импульс. Как признается Г. Х. фон Вригт, «различные принципы деонтической логики оказываются «дискуссионными». Но имеется согласие относительно интуитивно приемлемого ядра предмета. Относительно логики предпочтения ситуация опять-таки иная. «Интуиции» разных исследователей в этой области сильно различаются» [3, с. 412]. То есть из философского текста всегда можно **вычитать** должное, имплицитно в нем присутствующее и интуитивно признаваемое всеми участниками полного философского дискурса. Можно критиковать работу разума вообще и идею долга в частности, но не видеть смысла в идее должного и не понимать смысл вопроса о том, *как должно быть* или *что я должен делать*, нельзя.

Деонтологическая составляющая философского текста выражается автором двумя возможными путями рефлексии сферы должного и вычитывается с помощью языковых маркеров выражений долженствования: «должно / не должно *быть*» или «должен / не должен *делать*». Это выражения того, что

Н. Гартман называл «долженствованием бытия» и «долженствованием действия» - другого нет. Они выражают внутреннюю, рефлексивную интенцию автора, вызывающую ответную прагматику философского текста в интерпретации читателя. На ней базируется и *психология восприятия текста*, когда читатель соглашается или возражает, убеждается или разочаровывается, любит или не любит автора и проч. Результаты исследования этих реакций могут заинтересовать широкий спектр специалистов – от психотерапевтов и педагогов до издателей и PR-менеджеров. Нас же интересует механизм этой рефлексии, лежащий в основе формирования мироотношения, а точнее, текстовое выражение работы этого механизма. Попробуем его обнаружить.

Как работает философский текст? Если задать этот вопрос современному молодому человеку, то самым распространенным ответом будет такой: *разные философии по-разному воздействуют на разных людей*. Этот ответ отражает основной тезис релятивизма обыденного мышления, старательно поощряется современными образовательными и информационными технологиями. Зададим три вопроса, раскрывающих смысл этого тезиса: Какие бывают философии? Какие бывают люди? Какое бывает воздействие?

Какие бывают философии? В ответе на этот вопрос создаются *типологии философий*. Принято считать, что их создание – дело историков философии, но в наши дни, думается, это самая спорная часть их работы. Нынче популярны комиксы, благодаря которым можно выбрать себе любимого философа, философа «по душе». Именно о возможности такого выбора писал У. Джеймс, которому принадлежит самая психологическая *типология философов* – по их темпераменту. Вот основные тезисы его персонологической типологии философий [4].

Философия играет гораздо более важную роль в жизни людей, чем принято считать, и каждой квартирной хозяйке действительно важно знать философию своего квартиранта.

В философии более сильно, чем принято считать, сказывается темперамент философа.

Все темпераменты можно поделить на 2 группы, они противоположны друг другу: это идеалисты и материалисты, рационалисты и эмпирики, гегельянцы и агностики, романтики и люди фактов и т. д.

Прагматизм помогает ориентироваться в многообразии мировоззрений, указывая практическую наличную стоимость (*practical cash-value*) каждого положения любой философии, а прагматист – *scout*, разведчик практических последствий философских истин.

У. Джеймс сформулировал основы нынешнего, рыночно-консьюмеристского подхода к мировоззренческому многообразию, и теперь трудно понять, то ли он отвечает современному состоянию философской культуры, то ли она, в свою очередь, сформирована под воздействием прагматизма.

Какие бывают люди? В ответе на этот вопрос создаются типологии личностей, или **персонологии** и мое внимание привлекли ранние работы А. М. Пятигорского, в которых особая зоркость буддолога привела его к проекту «семиотической персонологии», отвечающей на вопросы о том, знаком чего может быть то или иное поведение личности. Вот основные положения этой персонологии, созданной им в 1960-е гг. совместно с Б. А. Успенским [5]:

«Все персонологические теории, как наивные, так и претендующие на научное описание, основываются на анализе текста в общем смысле этого слова (*текста поведения*)» [9, с. 7], а лингвистический анализ такого **текста поведения** устанавливает его принадлежность к определенному типу личности.

Личности различаются по тому, как они интерпретируют ситуации и свое место в них. В одном случае человек видит мир личностей, которые бывают плохие и хорошие, а во втором ситуации, плохие и хорошие. Один скажет: «Это несчастный человек, вот и жена у него трагически погибла», другой: «Этот человек несчастен, ведь у него трагически погибла жена» [5, с. 14].

Особое место занимает фигура наблюдателя, его А. М. Пятигорский назвал *преобразователем описания*, он способен подвергнуть рефлексии всю ситуацию. Любому тексту поведения, например, описанному утверждением «я умею летать», можно предположить преобразователь «мне приснилось, что...». Преобразователь описания здесь является «...актом или последовательностью актов текстового поведения в смысле создания конкретной разновидности текста...» [6].

Проект текстовой семиотической персонологии Б. А. Успенского и А. М. Пятигорского, убедительный и эвристичный, позволил обнаружить текстовый механизм понимания поведения личности. Можно ли вести речь о *текстовом поведении автора философского текста*?

Как действует философский текст? Ответ на эти вопросы мы свяжем с понятиями «*преобразователь описания*» и «*текстовое поведение*». Преобразователем описания в случае философского текста, когда речь идет о мире и мировоззрении, является деонтологическая позиция его автора. Она преобразует дескрипцию в проскрипцию, на идее должного базируется логика его рефлексивных действий как *мыследействий*. Если увидеть должное вообще, симметричное сущему миру, то базовых действий по отношению к нему может быть только два: 1) в контексте «долженствования бытия» это *принятие и отвержение*, 2) в случае «долженствования действия» это *деяние и не-деяние*. Должно или не должно быть все, что есть? Принимаю ли я ТАК устроенный мир или вижу необходимость его преобразования? Что должно делать в ТАК устроенном мире? Эти вопросы понятны в нашем языке и культуре. В ответе на

эти вопросы нет места для персонологии, но есть, полагаю, для **рефлексивной типологии**, которая может разделить мыслителей – авторов философского текста на тех, кто основывается на отвержении и тех, кто основывается на принятии мира сущего. Это две установки мироотношения, вот их тезисы.

А. Долженствование бытия. Основывается на *отвержении*, формула которого – *в мире все не так, как должно быть*. Это основной тезис **эстетизма** как созерцательного мироотношения, выражающего целый набор «претензий», предъявляемых мной сущему и даже «вменяемых» мной ему. Должное здесь – отражение этих претензий. Термин «эстетизм» в данном контексте имеет попперовские коннотации: желание «построить мир, который не просто немного лучше или рациональнее нашего, но который свободен от всех его безобразий... действительно прекрасный новый мир» [7, с. 207]. П. П. Гайденко придала этому термину более глубокий смысл: эстетик всегда для самого себя самый интересный человек, поэтому он никогда не может принять «трансцендентную реальность другой личности» [8, с. 128] и такое мироотношение чревато трагедией, «трагедией эстетизма». Её выражением, добавлю, может быть или интеллектуальная форма эскапизма, когда философия «оставляет все, как есть» (Л. Витгенштейн), или откровенный элитизм как философия особых «ценностно-зрячих личностей» (Н. Гартман), или программа революционного преобразования, призыв к переустройству мира (К. Маркс).

Б. Долженствование действия. Основывается на *принятии*, формула которого – *в мире все так, как и должно быть*. Это основной тезис **этической позиции**, реализации действительного практического мироотношения в рамках моральной философии. Этическая позиция есть выражение набора «претензий», предъявляемых, в конечном счете, мной мне, осознание того, что я – со-делатель всех вещей и со-участник всех процессов в мире. Должное здесь становится долгом. В. Соловьев выразил глубокую интуицию, показав мир в целом как *должное быть*, в котором всякий «природный человек» постепенно уразумевает его смысл, а сыны Божии призваны это смысл действительно, на деле осуществлять. Яркой формой этической позиции можно считать и мироотношение Льва Толстого в его мучительных поисках пути нравственного самосовершенствования.

Оба типа мироотношения могут быть выражены (и имплицитно) с разного рода нормативностью: в запретах и предписаниях, повелениях, советах, предложениях, пожеланиях и проч. делать или поступать так-то и так-то, а также в разной коммуникативной ситуации отношения к читателю. В этом контексте классики деонтологической мысли заметно разнятся. Кантовская практическая философия, например, покоится на одном основном законе, выраженном в качестве категорического императива – *повеления*, данного И. Кантом самому себе в качестве эмпирического индивида от лица самого себя в качестве морального субъекта. Такой субъект – персонологически «выше» эмпирического индивида и поэтому имеет право на императив. А деонтология Дж. Бентама базируется на совокупности его полезных *советов*, которые он формулирует Другому, в случае если тот выскажет пожелание получить этот совет. Такой советчик не «выше» Другого, он не больше, чем скаут-разведчик, понимающий, что единственное корректное выражение долженствования – «я должен», в первом лице единственного числа [9].

Чтобы предложить типологию практических философий используем понятие *«текстовое поведение»*. Тогда осознанная и вычитываемая из текста демонстрация автором рефлексивной интенции к долженствованию бытия или долженствованию действия, к той или иной нормативности в той или иной коммуникативной ситуации «автор-читатель», эстетистское или этическое мироотношение будут видны в его текстовой деятельности. Устойчивые формы такой деятельности как поведения (*conduct*), демонстрируемого в тексте – **текстового поведения** – могут стать основой типологии практической философии.

Список литературы

1. Рыскельдиева, Л. Т. Антиципация смысла или О цели философского текста / Л. Т. Рыскельдиева // Вопросы философии. – 2020. – № 4. – С. 116–127. – DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-116-127.
2. Красухин, К. Г. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах / К. Г. Красухин // Логический анализ языка. Языки этики / под ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 263–270.
3. Вригт, Г. Х. фон. Новый подход к логике предпочтения // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды / ред. Г. И. Рузавин, В. А. Смирнов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 411–449.
4. Джемс, У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярная лекция по философии / У. Джемс ; пер. П. Юшкевича. – Москва : ЛКИ, 2011. – 244 с.
5. Пятигорский, А. М. Персонологическая классификация как семиотическая проблема / А. М. Пятигорский, Б. А. Успенский // Ученые записки Тартусского университета. Труды по знаковым системам. – 1967. – Т. 3 (198). – С. 7–30.
6. Пятигорский, А. М. О категориях лингвистической психологии // Пятигорский А. М. Избранные статьи по индологии и буддологии 1960–1970 гг. – Режим доступа: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/knigi/filosofskie-i-buddologicheskie-knigi/izbrannyye-stati-po-indologii-i-buddologii/o-kategoriyah-lingvisticheskoy-psihologii/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. (дата обращения 05.07.2020).
7. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер ; пер. К. Л. Викторова ; ред. В. Н. Садовский. – Москва : Феникс, 1992. – Т. 1. Чары Платона. – 448 с.

8. Гайдено, П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века / П. П. Гайдено. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.
9. Bentham, J. (.), Deontology together with A table of the springs of action and the article on Utilitarianism / Bentham J. The collected works. – Oxford : University Press, 1983. – Vol. 1. – P. 119–281.

References

1. Ryskeldiyeva, L. T. The Anticipation of the Smysl or On the Intention of the Philosophical Text". *Voprosy Filosofii*, 2020, vol. 4, pp. 116–127.
2. Krasukhin, K. G. Grammaticheskoe vyrazhenie dolzhenstvovaniia v drevneishikh indoevropskikh zakonodatel'nykh tekstakh. *Arutiunova, N. D., Ianko, T. E., Riabtseva N. K. (eds.). Logicheskii analiz iazyka. Iazyki ètiki*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 263–270.
3. Wright, G. H. von. The Logic of Preference Reconsidered. *Wright, G. H. von. Logiko-filosofskie issledovaniia: Izbrannye trudy*. Ed. by G. A. Ruzavin, V. A. Smirnov. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 411–449.
4. James, W. *Pragmatism. Novoe nazvanie dlia nekotorykh starykh metodov myshleniia. Populiarnye lektsii po filosofii*. Moscow, LKI Publ., 2011.
5. Piatigorskii, A., Uspenskii, B. "Personologicheskaiia klassifikatsiia kak semioticheskaiia problema", *Uchenye zapiski Tartusskogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*, 1967) vol. 3 (198), pp. 7–30.
6. Piatigorskii A., O kategoriakh lingvisticheskoi psikhologii, in Piatigorskii A., *Izbrannye stat'i po indologii i buddologii 1960–1970 gg.* Available at: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/knigi/filosofskie-i-buddologicheskie-knigi/izbrannye-stati-po-indologii-i-buddologii-o-kategoriakh-lingvisticheskoy-psihologii/> (accessed: 05.07.2020).
7. Popper, K. R. *The open society and its enemies*. Ed. by V. N. Sadovskii. Moscow, Feniks Publ. 1992, vol. 1.
8. Gaïdenko, P. P. *Proryv k transtsendentnomu: novaiia ontologiiia XX veka*. Moscow, Respublika Publ., 1997.
9. Bentham, J. Deontology together with A table of the springs of action and the article on Utilitarianism. *Bentham, J. The collected works of Jeremy Bentham, I. Philosophy*, Oxford, University Press, 1983, pp. 119–281.

ПОНИМАНИЕ ТРАНСГРЕССИИ И ТРАНСГРЕССИВНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПРАКТИКЕ

Тихонова Валентина Львовна, кандидат философских наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: opera-15@mail.ru

Закутнов Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Во второй половине XX – начале XXI в. в научном познании все большее распространение приобретает междисциплинарный подход. Именно взаимодействие разных дисциплин между собой позволяет получить новые, достаточно расширенные и глубокие научные знания. Такой подход сопряжен с трансгрессивными актами, в результате которых возможен выход за существующие в научной исследовательской практике традиции и стереотипы, приводящие к неизвестным и неожиданным открытиям. В этой связи особенно важно рассмотрение такого термина как «трансгрессия». Поэтому размышления о трансгрессии и трансгрессивные эксперименты становятся частью современной науки. В связи с этим, необходимо проанализировать представления о трансгрессии в философии и современной науке в целом. Например, трансгрессивные процессы в биологии раскрыты раньше, чем в физических науках. Современные исследователи, которые склонны рассматривать науку как автономную систему, строго изолированную от остального общества, все чаще применяют термин «трансгрессия» в философии и социологии. Кроме того, границы между различными научными дисциплинами традиционно считались постоянными и четкими. Но, напротив, наука представляется деятельностью, которая постоянно нарушает, стирает и перестраивает дисциплинарные, социальные и научные границы. В то время как прежние границы научного знания преодолеваются, прогресс в знании изменяет, или создает новые границы как внутри, так и вне конкретной дисциплины. Такой сдвиг границ определил весь исторический процесс научного развития. При этом, можно сказать, что современные науки вынуждены были примиряться с производством новых знаний в новой форме.

Ключевые слова: трансгрессия, современные исследования, эксперимент, междисциплинарные научно-исследовательские проекты, междисциплинарное сотрудничество

UNDERSTANDING TRANSGRESSION AND TRANSGRESSIVE EXPERIMENTS IN MODERN SCIENTIFIC PRACTICE

Tikhonova Valentina L., Ph. D. (Philosophy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: opera-15@mail.ru